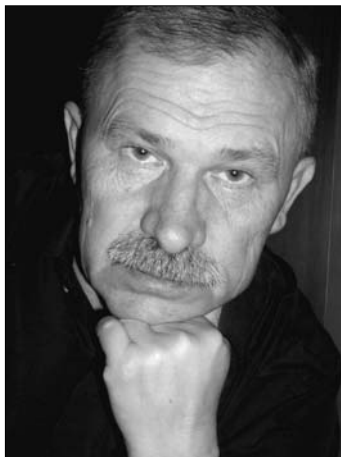

НИКОЛАЙ ИВЕНШЕВ

КОШКА ПИФАГОРА

РАССКАЗ

Андрей восклицал это охотничьим тоном, как, допустим, “На уток!” Или — “На зайца”:

— На капусту!

Это значит, что вечером надо прийти к нему домой. С женой или без. С бутылкой молдавской “Фетяски” или так. И первым блюдом на столе у Чесноковых будет квашеная капуста, изготовленная только им, главным инженером крохотной воинской части.

— Капуста, — неизменно сообщал майор Чесноков, — это пища римских патрициев и легионеров. Наверное, он причислял себя к обоим этим условиям. И действительно, Андрей обладал прямым и рельефно очерченным носом латинского вельможи и собачей поджаростью профессионального солдата. Он чётко воспроизводил на старинном немецком пианино небольшие классические эскизы.

Объяснял при том: “Руки сами музыку нащупают”. Случалось, за столом майор Чесноков пренебрегал вилкой, шутя по-воински неуклюже: “Рыбу, дичь и женщин надо брать голыми руками”.

Андрей Филиппович, как потомок легионера, и капусту отправлял в рот сильной своей щепотью.

А капуста и в самом деле была хороша. Она пахла свежими яблоками и той самой Италией с её апельсиновыми рощами.

Но на капусту ли я приходил? И что меня тянуло в дом Чесноковых? А тянуло меня не это по-своему экзотическое блюдо, не бетховенские экзер-

---

ИВЕНШЕВ Николай Алексеевич родился в 1949 году в селе Верхняя Маза Ульяновской области. Окончил Волгоградский пединститут им. А. С. Серафимовича. Автор книг “За кудыкины горы”, “Портрет незнакомки”, “Казачий декамерон” и других. Член Союза писателей России. Живёт в ст. Полтавской Краснодарского края.

сисы на пианино с клавишинным строем, не “Фетяска” в тонком хрустале, а его жена с экзотическим по тем временам именем Луиза.

Я не осмеливался даже в мыслях иметь связь с ней — ни физическую, ни платоническую. Я глядел на неё замороженно, как дикий человек на костёр.

Луиза, Лаура — все из одной обоймы. У неё было восточное цыганское, нет-нет, скорее, испанское лицо, чуток, в меру припухшие губки, как будто она только встала с постели. Руки её золотились, когда она колдовала за столом, ухаживая за всеми. Если бы подобное сравнение не было пошловатым, то я бы сказал, что руки её чем-то напоминали руки с картин Рембрандта. Как у Данаи. И, конечно, глаза. Да, опять — штамп. Да, господа хорошие. Глаза тёмные, как крупные и влажные оливки. Конечно, она стопроцентно подходила всей своей статью и патрицию, и легионеру.

Сейчас я рассуждаю достаточно холодно, ведь сколько времени ушло и прошло. А тогда?.. Тогда одним из номеров чесноковского капустника были танцы. И я, как какой-нибудь бедный вольнонаёмный кнехт терпеливо ждал, когда же всколыхнёт комнату с мягким ковровым покрытием пряный мотив “Льёт ли тёплый дождь, падает ли снег...” Я знал, что и мой голос сорвётся, лишь только протяну ладонь, чтобы пригласить Луизу.

Майор Чесноков был хронический ревнивец. И я никогда не осмеливался сократить джентльменское расстояние между моим онемевшим телом и волшебным станом Луизы. Но разве только стального цвета глаза Андрея Филипповича были тому виной? Сам я находился в это время в сладком полубреду. Не знаю, что я лепетал. Конечно, какие-нибудь глупости. Она же, как деликатная хозяйка, пыталась меня растормошить, бойко, с какой-то актёрской сноровкой рапортуя о достоинствах мужа. Я все эти достоинства знал назубок. Андрей был честен и прям. Он не выслуживался, не льстил. Он справедливо требовал с подчинённых то, чего требует устав и должностная инструкция.

— Но он никогда не выйдет в командиры! — итожила жена майора Чеснокова. И довольно улыбалась.

Я видел это, — улыбалась. Казалось, что она поощряла подобное несправедливое положение вещей.

— Потому что пришли такие времена, когда достойным людям дороги нет. Им достаётся одна обочина в репьях. — И словно спохватывалась: — Так что это мы всё обо мне и обо мне, а вы ничего не рассказываете?!

Мы всегда были на “вы”.

— Что обо мне рассказывать? Ну, живу... Гхм... Живу...

“Жду, что ты придёшь, а быть может нет”, — изнывал “восточный” певец.

Я тоже изнывал, вдыхая счастье.

— А имя моё мне не нравится, — поддерживала разговор партнёрша, — Луиза! Как луза в бильярде. Уж лучше бы Фёклой или Парашей заклеямили.

Мой голос совсем сел. Я мотал головой, не соглашаясь с женой майора Чеснокова.

Как же всё-таки везёт Андрею, Андрею Филипповичу! Всего-то у него в избытке. Честное продвижение по службе, красавица жена. И вальс Шопена вот звучит для полного счастья отчётливо, по-военному чётко.

Моя жена, моя любимая жена Нада дергала меня за локоть. Тоже, видно, нахваталась солдатского лексикона: “Ты что, очумел?”

Я мотнул головой.

Нет на белом свете женщины лучше и красивее моей жены. Точно знаю. И все же здесь, у Чесноковых, её красота меркнет. И я боюсь признаться в том даже самому себе. Я пугливо дёргаюсь от вопроса Нади и, как рыцарь с заржавленной шеей, отворачиваюсь от блестящих губ хозяйки. Не пойман ли я с поличным?

Капустники у Чесноковых пролетали мгновенно. И завершающим этапом вечера непременно было следующее. Из соседней, смежной комнаты являлся шестилетний сын Чесноковых Славик. Он усаживался рядом с матерью

и клал голову ей на колени. В одиннадцать часов, можно было сверять время, Славик мгновенно засыпал. Любопытно, что если мать была занята каким-нибудь делом, Славик не мешал, а точно в одиннадцать отключался рядом, брыкнувшись под обеденный стол. И если, кроме нас с Надей, были ещё гости, то суматоха начиналась тут же. И великая. Все панически вскакивали из-за стола, втыкали на книжные полки тучные фотоальбомы, хлопали балконной дверью, бычкую недокуренные сигареты.

Мы же уходили чинно, как существа особого класса, приближенные к императору.

В узкой прихожей я уже становился самим собой. Гипноз покидал меня. Я жал протянутую сухую и сильную руку римского легионера и, осмелев, брал в свою ладонь её пальцы.

Мы жили неподалеку, в том же военном городке.

По дороге моя Надя, мне казалось, возбуждённо общалась со мной, явно не слыша моих “ну, да”.

— Неужели Андрей Филиппович воспитанник детского дома?

— Ну, да.

— Такой интеллигент, не скажешь, что беспризорник. Всё своим умом достиг. Вон вначале на аккордеоне выучился, теперь пианино осваивает, ишь, — Шошена.

— Ну, да. Брамса, — злился я. Мне уже начинало надоедать тотальное обожествление майора Чеснокова.

— Что у него за фамилия такая чудная, — не унималась жена.

— Никакая не чудная. Был такой художник или композитор. Не помню. Что-то духовное сочинял. Да, музыкант. Реквием “Таинство смерти”.

— Жуть. И жену милую себе подобрал, ну, скажи, милую ведь?

— Не в моём вкусе.

— Да она же красавица. Как из индийского фильма. — Терпеть не могу эти “абарая, бродяга я”. И совсем уже невпопад: — Знаешь, родной, я читала, что длинные пальцы пианисту только мешают. У него должны быть короткие пальцы. Вот растяжка, расстояние между большим пальцем и мизинцем должна быть большой. Андрей Филиппович, мне очень нравится. Я бы с ним в разведку пошла.

Жена меня злила. Но за что?

Я ведь тоже не лыком шит:

— Ну и дуй в разведку.

Дома мы миримся, молча пьём чай на кухне и со всей мочи, ничком бухаемся в супружескую кровать.

И не надо мне никаких Луиз. Никакой капусты с яблоками.

2

По вечерам мы с майором Чесноковым совершаем “облёт” военного городка. Почему “облёт”? Дело в том, что часть, в которой служит Андрей Филиппович, лётная. У офицеров и солдат голубые погоны, на эмблемах — пропеллеры с крылышками. Но на самом деле солдаты и офицеры этой части занимаются радиолокацией. Служат на РЛСке.

О своей работе Андрей говорит мало, да и что там говорить о транзисторах и резисторах. О сослуживцах же мой собеседник отзывается с кислой улыбкой, даже какой-то пренебрежительной миной.

И поделом. Я давно знаю, что офицерство наше целиком и полностью гнездится под железными каблуками своих жён. Парные лейтенанты под сурдинку внедряются в повальную пьянку, ждут повышения по службе, подличают, предавая друг друга, юлят перед командирами.

Обмыв в граненом стакане новые звездочки, бывшие парные уже начинают не только пьянствовать, но и скромно блудить. Как бы они ни маскировались рыбалкой или сверхсрочной внезапной работой, но частенько приходилось слышать даже из запахнутых окон традиционные звуки битой посуды и отборный мат, переплетающийся с истошным визгом.

Такова изнанка жизни. Блуда больше, чем звёзд на небе.

Что ж, жены офицеров тоже не ударяют в грязь лицом. Они поспешно, с большим мастерством начинают мстить своим главам семейств.

Это вам не золотой девятнадцатый век, пришли другие времена. Правильно или нет, но рогоносец муж не вызывает любовника своей жены на дуэль, а напротив: дружит, ездит с ним в Займище ловить сомов. И после хорошей стопки водки у костра, обнявшись, соперники играют дуэтом вольную песню “По Дону гуляет казак молодой”.

— Я за прежние времена, — резко отрубает майор Чесноков.

Его суровое лицо патриция и легионера густо краснеет.

— Конечно, вызову. Конечно, всажу ему пулю в сердце. Я не потерплю малейшей измены. Да как можно после всего этого жить?! Пить и есть из рук потаскухи. Да и ей достанется на орехи.

Чесноков вытягивал вперёд свою мускулистую, в тёмных венах руку. Он — солдат. А значит, и расправа предполагается физическая, серьёзная.

В это время я верил ему. Так и будет. Будет дуэль и расправа.

Верил — не верил. Такая идеальная пара никогда, ни под каким соусом не может распасться.

У них всё, как в часовом механизме. Шестерёнка к шестерёнке. Шайба к шайбе. Луиза его обожает. А он её боготворит. Остальное немислимо.

Сняв с повестки вечный вопрос, мы с Андреем Филипповичем обсуждаем роман Фёдора Абрамова “Братья и сёстры”. Андрею, воспитаннику Гулькевического детского дома, чрезвычайно нравится то, что русский народ крепится на родственных отношениях. На отцах-матерях, братьях и сёстрах. Андрей — твёрдый поборник домостроевских традиций.

Я супротив них протестую, скорее, из духа противоречия. Человек должен быть свободен, чтобы реализовать себя — в творчестве, в любви. Иначе он — червяк.

— Человек по сути своей скотина, — горячится майор, — его всегда тянет в грязи измазаться.

Мужчина, да и женщина добровольно должны заковать себя, знаешь... Сами себя в своеобразные забрала. В бронежилет. Как в средние века.

— Как у классиков материализма, — иронично шурюсь я.

— Да. Свобода — это осознанная необходимость. Надо воспитывать детей. Крепить семейные узы.

Я соглашаюсь с газетными словами Андрея Филипповича.

— После того, как мы поженились с Луизой, я ей никогда не изменял. — Он испытывающе взглянул на меня. Чего хотел? Ещё подтверждения?

— И правильно, — зачем-то соврал я. Но в мыслях поправился: “Я вроде бы порочен. И не хожу налево лишь потому, что ленив”.

Чесноков инструктировал:

— Ну, надо, само собой цветы ей дарить, жене-то своей. Ласковым быть. Использовать весь мужской боезапас, — он озорно улыбнулся. И подмигнул.

Ну, что ж, не совсем ведь схема майор Чесноков. Что-то есть от династии Чесноковых. Я читал, у этих самых опальных композиторов Павла и Алексея было ещё шестнадцать братьев и сестёр. Вот так пыл в золотом веке!

Чувствовалось, что-то задело Андрея Филипповича, и он разоткровенничался.

— А знаешь, Алёша, кем для меня ещё является жена моя Луиза?

Я обернулся к собеседнику и поднял брови.

— Она — кошка.

— Которая гуляет сама по себе? Редьярд Киплинг.

— Нет, нет. Кошка Пифагора. Ты знаешь, у него были ещё штаны.

Мы смеёмся.

— Которые на все стороны равны.

— Не только брюки. Но и кошка. И он с ней всегда держал совет. Когда Пифагору надо было принимать решение, он всегда искал совета у этого египетского божества. У кошки той пифагоровой были в запасе всего два слова: продолжительное “Мя-яу-у-у”. Это значит “да”. И отрицательное

“Мяу”. Нет... С такой-то кошкой греческий философ жил припеваючи. До нашей эры, а нате вам... Мудрецы. Безошибочно. Так вот и Луиза моя такая. Она безукоризненная советчица. Я по пустякам её советов не спрашиваю. Но вот если серьёзно, кардинально... не ошибалась. Луиза всегда просекала ситуэйшн. Интуиция, что ли, короче говоря, каким-то чудесным свойством обладает.

В это я поверил сразу. Его жена — явление исключительное.

— Да, — смудрил я, — для каждого человека всегда уготованы две вещи в наследство. Это — мельница и кошка. Мне вот мельница попалась. Целый день жернова. — Я нарочито вздохнул — *тяжела шапка Мономаха*.

— Ничего, попадётся и кошка, — успокоил меня военный инженер. — С хорошей кошкой можно и сад посадить, и колодец вырыть, и троих сыновей вырастить.

Надо сказать, что это умозаключение меня изумило. Не ожидал я от праведника Андрея Филипповича такой практичности.

— Слушай, — сказал я тогда майору Чеснокову, — твоя фамилия произошла скорее всего не от “чеснока”, а от слова “честность”.

— Нет, я — врун, — честно ответил майор. — Мне хочется быть правдивым. Не всегда получается.

— И про кошку Пифагора ты соврал.

— Это — миф. Но миф бывает точнее правды.

3

Сколько воды вытекло с тех пор из моего крана?.. Я варил на этой воде вначале чай, суп, самогон, кофе, а потом — целебные травы. Сколько воды утекло у недалёких соседей Чесноковых? Со страниц газет, с экранов телевизоров? Вода, вода, кругом вода... И двугорбый верблюд захлебнётся.

Захлебнулась, сошла на “нет” и наша дружба с Чесноковыми.

Кошка Пифагора — бесценный дар. Правильный выбор. Пифагоровы штаны всегда на все стороны равны. И это — развилка. По какому катету ты покатишься. А кошка Пифагора проничательнее дельфийских пифий.

Ведь времена-то меняются. И порой парадоксально. Парадоксально, но заметили честную и принципиальную натуру майора Чеснокова и предложили ему классное место преподавателя электронных методик в лётном училище. А уроки он давал иностранным студентам. Андрею Филипповичу вскоре и очередное воинское звание присвоили. Стал он подполковником. Что-что, а счастье и несчастье привязчивы, верны, как Луиза Чеснокова своему выдающемуся супругу.

У нас на Кубани всё кулигами. Если дожди припустят, то они будут и день, и два лить, пока не затопят, пока не прорвёт плотину, пока не наступит очередной Крымск. А уж если солнце начало жарить, то будь спокоен, спалит не только огурцовую грядку, а всё на свете — кожу, карьеру и даже невызревшую любовь.

Андрей Филиппович приезжал на побывку лишь на выходные, вечером в субботу. Побыв ночь дома, вечером в воскресенье, он опять возвращался в общежитие лётного училища.

Жена же его Луиза, естественно, оставалась здесь — подходящей работы в большом городе как-то не находилось. А здесь она трудилась экономистом в каком то загадочном ПУПе. Она называла своё предприятие “пупком”. И теперь... Теперь Луиза как-то поскучнела. Лицом, правда, была она такой же ослепительной, но грустной. По всей видимости, Луиза так крепко любила своего Андрея, что страдала в отдалении. Я это понимал. И не лез, не набивался в гости к Чесноковым.

Всё же подполковник Чесноков сам меня выловил. И мы опять кружили, выписывали “восьмёрки” меж клумб. “Облёты” возобновились.

Странно, что перевод в город Андрей воспринял оптимистично. И не было на лице его той грусти, которую я зрил на прекрасном смуглом лице Моны Луизы. Теперь, когда мы совершали променады по своей трассе, Андрей Филиппович хватал меня за локоть и с жаром толковал о своих наивных

студентах из какой-нибудь Боливии или Китая. Ему не хватало слов. Подполковник живо обегал меня сзади или спереди, цеплял за другую руку.

Я спросил его о Луизе, деликатно намекнув, что она, мол, здесь скучает, в тоске.

Но редкий мавр Андрей Филиппович отмахнулся. Неужели остыл?

— Она по-прежнему “кошка Пифагора”? — в лоб бухнул я.

— Конечно-конечно, — заторопился Чесноков, — всегда с ней советуясь. И всегда всё выходит хок-кей.

— А ты знаешь, Андрей Филиппович, — иногда я звал его на “ты”, — вы ведь могли ещё большую деньгу зарабатывать.

— Как это? — не понял мой собеседник.

— А так. В азартные игры играть. В карты. В рулетку. Золото рекой бы потекло.

— Советником Президента стать. Или в ООН экспертом.

Он туманно улыбнулся. Кто знает, может, он до конца и не верил в самим собой сочинённый миф.

— Я не люблю карты. Это порок. Ох, Алексей, какую замечательную мне китайский летун ручку подарил с золотым пером.

Андрей Филиппович явно захотел перевести разговор на другую тему.

— Когда у тебя день рождения? Впрочем, зачем ждать.

Он потрепал куртку и выщипнул из внутреннего кармана жёлтый цилиндрик.

— Вот ручка. Золото — на острие.

Я не отказался от подарка. Слишком уж он был красив.

— А насчёт Луизы, я вот тебе что скажу, — теперь говорил прежний Андрей, честный и откровенный. Голос гулкий, с хрипотцой. — У нас по-прежнему всё, как в первые дни. Мы так любим друг друга, что не в сказке сказать. Но я боюсь её брать с собой в большой город. Там столько соблазнов. Знаешь, я не ревнив. Хотя... Хотя... — Он сделал паузу. — Никуда не денешься. Вот обещают квартиру выделить, ну, тогда уж, что делать. Да и Славика надо пристраивать. Школу закончит...

Правильно он всё говорил, мой друг Андрей Филиппович.

Луизу нельзя пускать в город без бронжилета на чреслах.

Икона — телевизионный экран источал сладкую водичку с названием “Наслаждение”. Там ежеминутно облизывали губы, брили ноги, в специальных салфетках катались по перилам. И хотя порой прорывались в студию патлатые и бородатые батюшки, читали нарочито скучными голосами проповеди, всё же они были бесполезны. Как Сизифы. И лица у батюшек были такие, как у деревенского мужика, случайно ворвавшегося в женскую раздевалку, перепуганные.

Нет, Луизе город, как говаривала моя тётка Марья, не личил. Ей по душе и по сердцу было станичное приволье. Относительная тишина. Земляника — в мае, арбузы — в июле. А, может, и мой обожающий взгляд.

Расфантазировался.

Никакого обожающего моего взгляда она не ощущала. Ей, влюблённой в собственного мужа, остальные люди казались просто говорящими вещами, роботами. Кто я для неё?!

И всё же перемещение Луизы Чесноковой в город, к мужу, произошло. Загадка ли это? Мы все живём в загадочнике. Луиза тоже стала ездить в город рейсовым автобусом. Устроилась работать.

И повеселела. Изредка я видел в военгородке её гибкий стан. Два или три раза. В третий раз “чудного виденья” я поймал себя на мысли, что она больше похожа на пантеру, нежели на кошку. Но это только добавляло прелести её роковой фигуре.

Когда Чесноковы уехали вовсе, я затосковал.

— Ты зачем это напился? — посмеялась надо мной жена. — Прямо — зюзя.

К счастью, к спиртному я органически равнодушен. И “Фетяску” у Чесноковых я прихлёбывал для проформы, чтобы сидеть за столом, чтобы любоваться её лакированными волосами, чтобы джентельменски перекачиваться

с ней в танце, чтобы внезапно счастливо остолбенеть при случайном виде её влажного, розового кончика языка.

Но надрался я тогда не вина, а водки.

“Прям — зюзя”, — ласково ворконула жена.

И я провалился в тартарары.

Да, я заболел. Оказывается, абстиненция бывает разной.

Я приехал в этот суетный, сшитый из разных лоскутов город. И нашел Дом быта. И в толпе шагнул на серые, стекловидные ступеньки. И увидел Луизу. Она спускалась по ковровой дорожке. По широкой винтовой лестнице. Я видел это. Кто-то с неба, наверное, специально её продемонстрировал. И одним прыжком я выскочил на улицу.

Шок и темнота в глазах, как после вспышки. Шок был похожим на давнее моё помутнение. Давнее-давнее. Ещё в военгородке.

Тогда я впервые весело шёл на квартиру майора Чеснокова. Один, без жены. Задорно постучал пальцем по кнопке звонка. Открылась дверь. В проёме, в узком полумраке прихожей золотилось лицо и голые плечи, руки... Она нежно улыбалась, как улыбаются доброму знакомому. Луиза приглашала меня, полуприсев в ироническом реверансе: “Извольте войти, сударь!”

И я ослеп. Оглух. Окаменел.

Выпрыгнув на крыльцо Дома быта, я сжал глаза. У меня тоже имелось редкое свойство. Сжав веки, я ярко увидел как будто рекламную картину. Луиза — по ковру. Та самая. Глаза успели сфотографировать. Та самая. Никак не изменилась.

Говорят, время лечит. А я бы сказал — оно отупляет память.

Конечно, не то, и всё же я чувствовал живущую в лоскутном городе Луизу. Я ведь всегда мог взять билет на автобус и махануть туда.

Так в театральном городе, в Москве, в Питере, живут интеллигенты, а на спектакли не ходят, бродят по каким-то липким толкучкам. Но эти интеллигенты объясняют: всегда можно купить билет в театр. В черноморской Анапе аборигены не загорают и почти не купаются в море. Зачем? Море под боком.

Как-то я проснулся от дикой мысли, как будто кто-то меня под бок толкнул. “А что, если взять и написать ей письмо. И признаться”. Но холодный голос рассудка остановил меня: “Заткнись, дурак! Кто ты ей есть? Потеха. Не смей честной люд”.

Холодный голос рассудка, где-то вычитанная чушь. Но он всё-таки существует.

Честной же люд тоже не забывал семью Чесноковых. Он, со свойственной ему порочностью, стал мазать чертёжной тушью. И в раже дошёл до такого глупозаключения: “Это она, Луиза, устроила своему Андрею Филипповичу блестящую карьеру. Скоро так Андрей Филиппович и начальником летнего училища станет... Как-как устроила?.. Известным образом, как могут устраивать. Красивая, свободная”.

Злые сплетни. Я не верил им не на йоту. Ну и что, что фильм “Анкор, ещё Анкор”. Этот фильм что, Библия? Все так поступают?.. Поступают, да. Но не такие святые женщины, как Луиза, и не такие образцовые мужчины, как Андрей Филиппович. У них другие устои, и они любят друг друга. Парадоксально, что мне, человеку, прямо скажем, платонически влюблённому в жену подполковника Чеснокова, такое было слышать глубоко обидно. И я всегда убегал от пошлых, пустых, злобных разговоров.

4

Но теперь, когда я слышу “Льёт ли тёплый дождь”, то выключаю радио и протестую: “Льёт, ну, и что?”

Однажды, лет этак через пять, мне пришла почтовая открытка от Андрея Филипповича. Аккуратным мелким почерком он сообщал, что живёт хорошо, что получил квартиру на улице Строительной, обустроился. Спрашивал, пишу ли я его презентом. И приглашал “заглядывать” в гости.

Китайской ручкой я не писал. Золотом нельзя это делать. Золото лживо.

Заглянуть в гости на его “Строительную” как-то не получалось. У нас ведь всегда дела: то зонтик отремонтировать, то уколоть этим зонтиком кого-нибудь.

И вот довелось. Мне надо было попасть на двухдневное совещание. Интересно, что никакой гостиницы мои работодатели не давали. Ночуй где хочешь, хоть под забором. И вот тут-то я отыскал жёлтенькую открытку Андрея Филипповича. Обрадовался, естественно. Приглашать-то он приглашал. И я просто жаждал увидеть хоть одним глазом Лауру-Луизу. Но я и боялся уже этого.

Да ещё и ехать просто так, без причины, было как-то неловко.

А тут — везенье само в руку. Есть уважительная причина: переночевать негде.

Нет у меня кошки Пифагора, собаки Архимеда, Буриданова осла. Прежде чем сесть в трамвай и покатиться на улицу Строительную, я почему-то захотел опять взглянуть на тот Дом быта с широкой ковровой лестницей и лакированными ступеньками. Просто взглянуть, невзначай. Наваждение, одним словом.

На маршрутке № 28 я быстро подскочил к желанному месту и осторожно поднялся к стеклянной двери. В вестибюле пустынно. С одной стороны — будка часовщика. С другой — фотографа. Фотограф — армянин с выпуклыми скулами и таким же выпирающим во все стороны торсом. Фотографы и должны быть такими, неординарными. А вот часовщиком оказался плюгавый мужичонка с заискивающе-угоднической улыбкой. И тараканьими усами.

Таракан сам, не дожидаясь, спросил, не поломались ли мои часы. Я постучал по циферблату своего “Ориента” ногтем: “Ходят точно, как у президента”.

И тут же скатился по мрамору вниз. Что-то мне подсказало, что второго явления Луизы не будет. Дома она, небось.

И лишь качаясь в трамвае, я объяснил сам себе этот странный заскок в Дом быта. Скорее всего, я, Буриданов осёл, рехнулся. И развёрнутое моё сознание приказывало объясниться-таки. Пусть всё пойдёт прахом, но зато я окончательно освобожусь от этой, чего там греха таить, странной зависимости.

Купив тяжёлый, выскальзывающийся из рук торт и ещё такой же внушительный букет, мне показалось, китайских цветов, я был уже занят другим делом. Я боялся всё это уронить.

И опасался ещё чего-то другого, неопределённого. Это “то другое” затмило рассудок. Очнулся я лишь на широком диване Чесноковых.

Я стал изучать окружающий мир. Мир — что? Я косился на Луизу. Она не изменилась. И была бесшумна, мила, обходительна, шутлива:

— Что? Опять будем танцевать?

В углу — буроватый клавесин с золотой готической надписью над пиюпитром.

— Увы, — вздохнул Андрей Филиппович, — сохло фоно. Окочурилось. Кастрюля, а не инструмент.

— Шопена-то доучил?

— До середины.

К другому углу просторного зала был приткнут короткий диван, вроде оттоманки. И на нём дышало внушительное косматое, с блеском в шерсти, существо. Хвост величиной с руку свисал до пола. Иногда волосатая гирлянда вздрагивала. Это был, была. Был...

— Кот Пифагора! — Перехватил мой взгляд Андрей Филиппович Чесноков.

А Луиза добавила, изменив кличку:

— Кот Пофигора. Ему всё пофигу... Мужик...

Дальше пошла обыкновенная чехарда с расспросами и ответами. Как я? По какому поводу в городе? Как Надя?

Я отвечал и задавал вопросы на автопилоте. Умело лавировал. Рассудком и сутью своей понимал: “Вот она, и никуда не отвяжешься. Она любит своего мужа. Какая, чёрт возьми, болезненная верность! Прямо Пётр и Хе-

вронья в современном гламуре. Да и Андрей Филиппович так же, как и восемь лет назад, отчаянно ревнив. Я зачем-то вспомнил, как в студенческие времена ездил в Камышин к своему другу Ване Литвину. А у Вани — молодая жена. Так Ваня тот, закадычный дружок, через два дня попросил меня убраться, а то, мол, смотрят. Жена молодая, а к ним любовник жены явился. Бред, короче. Я успокоил Ваню Литвина, а утром отправился восвояси.

Но тут другое. Тут никогда не попросят, хоть сто лет живи. Тут ревность иная, глубинная.

После двух ледяных рюмок навалились воспоминания. Как красив был военный городок. В розах, в петуньях. И, надо же, какие там замечательные люди живут и служат. Сомы в речке. Брёвна, а не сомы. Станичный пляж с двумя покосившимися грибами, и это — мило. А как там Пискунов? Вот пройдоха и жулик. Молодчина! А Ленка Трофимова, она блондинка или как?.. Всё время ржёт? Ржёт, а?.. Хочется опять туда, в часть. А как полковник Лукошко? Спортзал не достроил? Достроил?.. Что ты говоришь!..

— Я уже там не живу, — сообщаю я, — квартиру дали. Сорок пять метров общей площади.

— Дали? — Андрей переспрашивает с сожалением, словно меня в тюрьму бухнули.

Чесноковы подкладывали друг другу в тарелки всякие салаты. Угощения теснились, как шведы на Ладожском льду. Хозяйева готовились к моему приезде. Икра, правские грузди, редкие для Кубани, сыр с зелёными жилами, таящая во рту чёрная колбаса махан. Салаты. Боржом. Водка. Почему-то “Чайковский”. Бутылка в форме лиры. Жаль, среди разносолов фирменной капусты с яблоками не оказалось.

— Чанахи попробуй, прямо из горшочка, — хлебосольничал хозяин.

То, что надо. Пицца духовная, пицца из духовки. Гармония. Андрей и Луиза заглядывали друг другу в глаза, как делают это напрочь влюблённые люди.

В квартире Чесноковых — тепло, уютно. И мне никуда не хотелось идти. Лишь бы вот так сидеть и поглядывать на хозяйку да на Андрея. Я их обоих любил.

Но Андрей вдруг кликнул меня на лоджию, проветриться.

Он раздвинул стекло. Как в автобусе.

На лоджии тоже уют. Плетёные из ивы качалки. Шахматный стол. Прибамбасы на стене — парус, облака, голубой простор. Майолика.

— Ты, знаешь, Алексей Васильевич, я ведь уже не служу. Вышел по выслуге. А устроился я, — он сделал длинную паузу, так же долго глядя в моё лицо, — устроился я... кхम्म... массажистом.

— Как так? — Я опешил. — Что за чёрт! Массажистом?.. Не может такого...

— Не усмехайся. И не жалей... Знаешь, сколько я сейчас имею? В два раза больше, чем заработок полкана нашего. Из училища. Я в таком салоне крутые бабки зашибаю! И не клят, не мят... Никаких тебе чернорожих рядом. Голова свободна, а руки у меня — сам знаешь. Ну, кто-кто? Глупый вопрос. Опять же кошка Пифагора надоумила. Теперь уже две кошки. Натуральный кот. Ты видел, на диванчике. И Луиза. Так они подсказывают, будь здоров! Всегда — в яблочко. Постой-ка, ты не куришь? Я за сигаретами нырну. Иногда балуюсь.

Андрей Филиппович “нырнул” и явил на подносе не только сигареты, но и оставшуюся водку и блюдо с оливками.

Мы хлебнули ещё по малехонькой.

Я тоже задымил его “Кэмэлом”.

Помолчали.

— А, — махнул рукой бывший подполковник, — расскажу. Тебе можно... — Лицо у Андрея почему-то запрыгало, как при езде по кочкам. — Как ты относишься к моей жене?

Что это он? Пронохал, что ли?

— Гхм... Хорошо... Отлично...

— И я хорошо, отлично. Теперь мы равны.

— Не понима...

Он приложил палец ко лбу:

— В процессе эволюции моя фамилия потеряла букву “т”. “Т” стало рудиментом. А ведь были мы “ЧесТноковы”...

Понятно. Все мы не лошади немножко, а немножко сумасшедшие. Кошка Пифагора из той же оперы. Теперь вот “т” потерялось.

Я только вздёрнул бровь.

— Мы развелись.

Если бы рядом вон в ту пустую песочницу свалился Тунгусский метеорит или неожиданно по центральному телевидению объявили о снижении цен на коммунальные услуги, то и тогда я не был бы так ошарашен. Ошарашен? Не то слово. Язык мой онемел. А гостевые комнатные тапочки прилипли к линолеуму лоджии.

Впрочем, и сам римский патриций видоизменился. Видимо, пожалел о сказанном. Но слово — не воробей...

Массажист и экс-подполковник стал сбивчиво рассказывать:

— Я не знаю, что случилось. Когда это произошло? Кто виноват и что делать?.. Гхм... Вечные вопросы. Она мне изменила... — Он проглотил слюну, потер ладонями седеющие виски. — Изменяла... Стала изменять с часовщиком. У них на работе. Он в вестибюле торчит, как заходишь.

Я сжал веки: “Таракан! Тот таракан... Угодливый часовщик, залезавшие на косою пробор волосы. Окуляр на узкой, аптечной резинке. Мелкий таракан, пустой...”

— Неужели? — Спросил я сам себя.

— Именно! — подтвердил Андрей Филиппович. — Скорее всего, я дурака сваял. Сразу подал заявление и оформил развод. Свобода? Кандаль! То ли ей, то ли себе объяснял, не веря ни ей, ни себе: не могу жить с запятой себя... меня... суп...ругой... Не могу ступить в эту навозную моральную жижу. Честь, честь. Лямку тяну, а уйти не могу. Куда в городе пойдёшь? Угол снимать?.. Может, вот накоплю с прибылей. А вообще-то и квартиру мне дали. От училища.

Андрей вскинул глаза. В них — лихорадочный блеск:

— А мы что, ангелы? Мы что? Ни пылинки, ни соринки на нас? Лжецы и самураи. И она оправдывалась — да, да! — но зачем?.. Оправдывалась истерично. Кругом молнии сыпятся. По столу кулачком стучит, как гвозди колотит... Что я перестал ей дарить цветы и ласковые слова. Они нужны, как воздух... Забыл. Забы-ыл! — Чесноков куснул верхнюю губу: — Что ей — как воздух!.. Без этого — гибель. Часовщик лучше? Лучше... Гораздо... Мразь! Она сказала тогда, что я и ревновать перестал. Было время, было и такое... — Он поднялся со своей качалки и упёрся лбом в стену из голубой майолики. — Я карябал заявление на развод одной рукой, другой держал за потный лоб. Мне никак нельзя было пускать слезу...

Андрей Филиппович остановился. Он остановился. А меня осенило. Я даже очухался:

— А как же кошка Пифагора?

Я-таки сморозил неудачную шутку.

— Одна из них посоветовала мне разойтись. Другая? Другой? Другая посоветовала — не расходиться.

— Какая что?..

— Не помню, Луиза или натуральный кот?

Наверное, на этот раз Андрей лгал. Редко, но и с праведниками такое случается.

Механически мы выпили ещё.

— Так и живёте на одной площади. Год или сколько?

— Больше года. Иногда случаются счастливые мгновения, — легионер жалко улыбнулся, — иногда. — Он сжал костлявый солдатский кулак. — А порой ночью пронсусь и хочется её задушить. Взять и притиснуть. Однако знаю: этого никогда не сделаю... Потому что, потому что... Я понял, что в этом самое главное. Не секс. Его-то найти можно. Я массирую таких красоток, аж озноб берёт. Главное — нахлынувшее одиночество. Какой-то

поэт сказал: “Одиночество — один ночью, одиночество — двое днём”. Может, Светлов, а скорее — Смеляков. — Андрей поёжился: — Всё же айда в хату, ещё треснем по цванциг грамм. Только ты... это... Вида не подавай.

Треснули. Вида я не подал. Мне церемонно постелили на том же диване. Кота Пифагора или Пофигора выгнали в другую комнату, чтобы не мешал. Я долго не мог уснуть. Почему-то тут окончательно убедился, что избавиться от наваждения невозможно. Но я больше сюда ни ногой. Какая бы она, эта Луиза ни была, от этого нет средств. И кому в этой ситуации легче? Мне? Андрею? Луизе?..

Моё ложе было недалеко от кухни. Дверь там была приоткрыта. Из щели сочился тёплый жёлтый свет. Пахло печёным тестом. Пекли пирог на утро, чтобы угостить. А из самой кухни изредка доносился рокочущий баритон Андрея Филипповича. Он посмеивался. Точно — посмеивался. Без бэ. И вторила ему Луиза. Луиза смеялась с редкой естественностью, отчего в животе у меня шевелилось что-то чужое, холодное, вроде медицинского шпателя.